

В русской поэзии XVIII в. были накоплены элементы, которые Пушкин и декабристы развернули в жанрах более частного и специального значения. Так, декабристская поэзия берет у XVIII в. рационалистическое представление о высоком в искусстве, и одновременно она не чуждается завоеваний сентиментализма. Как это ни парадоксально, но русский гражданский романтизм по-своему ценил и барокко и классицизм, их общий размах, энергию стиха. Возможно, что здесь сказывается и более древняя традиция, идущая от «Слова о полку Игореве», от похвальных песен, гимнической и псалмодической поэзии. И у Рылеева, и у Раевского, и у Пушкина наблюдается известная преемственность от витийственных ораторских приемов минувшего столетия; с поэзией XVIII в. их роднят и общие заботы об интересах государства и народа, и историческое предание, и национальная героика.

Рационализм в художественном мышлении, нормативность в эстетике постепенно сменяются поисками индивидуального. Именно на этом пути, на пути более частном, на пути изображения личных переживаний, осложненных и рефлексией и сомнениями, ожидали русскую поэзию на заре XIX в. наиболее значительные победы.

Когда Белинский сравнивал поэзию Пушкина с Волгой, он имел в виду многочисленные притоки Волги, начиная с лесной и мелководной Унжи. В поэтическую пушкинскую Волгу действительно вливаются в преобразенном виде многие реки русской поэзии. Здесь и Ока с ее родниковой, незамутненной, не покрытой тиной подражательности, народной поэзией (к этому «роднику» в XX в. припадала певучая поэзия Сергея Есенина). Здесь и разбойничья Кама, берущая свое начало среди каменистых и возвышенных скал уральского предгорья, где начинается XVIII век с его раскольниками, приписными крестьянами, демидовскими заводами и Пугачевским восстанием.

Пушкину был дорог весь предшествующий опыт русской и западноевропейской художественной мысли и опыт самой истории со всеми ее превратностями. Поэзия Пушкина объединяет и перерабатывает все лучшее, что было создано до него. В этом смысле великий поэт является внимательным учеником своих предшественников, в частности Державина.

И Карамзин, и Державин стоят на рубеже новой русской литературы, они как бы соединяют два века, поэту и творчество их невозможно рассматривать в пределах эстетических и идейных проблем одного столетия, они рядом с Пушкиным и декабристами, их предшественники, в чем-то союзники и в чем-то антагонисты. Как бы по-своему ни был велик Карамзин, не